

НОВЫЕ КНИГИ

О МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОКАХ И АРЕАЛЬНЫХ СВЯЗЯХ ОСЕТИНСКОЙ НАРТИАДЫ

(Рецензия на монографию: Чибиров Л. А. Осетинская Нартиада. Мифологические истоки и ареальные связи. Владикавказ: Ир, 2016. 464 с.)

А. Х. Хадикова

В предлагаемой рецензии на монографию профессора Л. А. Чибирова «Осетинская Нартиада. Мифологические истоки и ареальные связи» подчеркивается особая актуальность, своевременность и многоаспектное значение этого труда — научное, просветительское, методологическое. В условиях, когда в нартоведении стали слишком заметны тенденции отставания узконациональных интересов, рецензируемый труд является примером возвращения к принципам научного анализа и объективного историзма. Монография содержит целенаправленное и разностороннее исследование нартовского эпоса, в различных вариантах бытующего у многих народов Северного Кавказа, его генезиса, условий формирования и путей распространения. Большую ценность представляют сопоставительные параллели, скрупулезно отслеживаемые автором на базе обширного и оригинального материала: от нартовского эпоса к скифам, а через них к европейским, иранским и индоиранским древностям, эпическому пространству Евразии. Системному анализу подвергаются кавказские варианты эпоса, а также динамично развивающиеся версии о центрах формирования ядра эпоса. Л. А. Чибиров представляет читателю научно аргументированный вывод о бесперспективности дискуссий об авторстве эпоса и о приемлемости единственной версии — научной.

Ключевые слова: осетинская Нартиада, нартоведение, сопоставительные параллели, центр формирования ядра эпоса, принципы научного анализа и объективного историзма.

In the review on the professor L. A. Chibirov's monograph «Ossetian Nartiada. Mythological origins and areal connections» special actuality, timeliness, and multidimensional importance of this work (scientific, educational, and methodological) are accentuated. The reviewed book is an example of returning to the principles of scientific analysis and objective historicism in the face of too noticeable tendencies in the Nart studies of standing up for only national interests. The monograph is a purposeful and all-round research of the Narts' epos circulating in various versions among different ethnics of the North Caucasus, as well as its genesis, formation conditions and spreading. Of particular value are the comparative parallels scrupulously traced by the author on the basis of vast and original materials: from the Narts' epos to Scythians, and through them to European, Iranian and Indo-Iranian antiquities. The Caucasian versions of the epos are systemically analyzed, alongside with dynamically developing hypotheses on the centers of formations of the epos' core. L. A. Chibirov presents to a reader scientifically argumentative conclusions on futility of discussions about epos authorship, and on admissibility of only scientific version.

Keywords: Ossetian Nartiada, Nart studies, comparative parallels, center of formations of the epos' core, principles of scientific analysis and objective historicism.

Каждая книга видного российского этнолога Людвиг Алексеевича Чибирова является ярким событием современной научной жизни. Однако ценность и

своевременность монографии, о которой пойдет речь далее — «Осетинская Нартиада. Мифологические истоки и ареальные связи», — predetermined не только богатством и уникальностью исследуемого материала и высоким уровнем теоретических обобщений, но и другими, не менее важными смыслами и перспективами. Этот труд авторитетного ученого имеет еще и неоценимое просветительское назначение, кроме того, он призван защищать те истины, которые совсем недавно считались вечными и непреложными, но вдруг оказались необязательными.

В условиях, когда в нартоведении стали слишком заметны тенденции отстаивания узконациональных интересов, ученый в своей книге опирается на принципы научного анализа и объективного историзма. Напоминая коллегам, что не может быть «осетинской», «адыгской», «балкаро-карачаевской», «ингушской» и пр. версий происхождения ядра нартовского эпоса, а может быть только одна — научная, профессор Л. А. Чибиров призывает вернуться к пристойности в дискуссиях, не жертвовать объективностью ради сомнительных политических целей. В ситуации азартного соперничества за «авторство» нартовского эпоса он призывает следовать научной истине, а не местному этнопатриотизму, ставшему идейным стержнем трудов некоторых исследователей.

Монография, являющаяся итогом плановой исследовательской работы ученого, стала важным вкладом в современное нартоведение. Работа над темой предполагала широкий историографический обзор, автору пришлось не только глубоко вникнуть в суть литературы, вышедшей в рамках этого научного направления, но и реагировать на содержащиеся в ней концепции.

Отнюдь не случайно книга начинается с разъяснения, какой должна быть позиция истинного ученого-историка. Вынужденный настаивать на исключительно научных методах в нартоведении, исследователь уточняет, что сам использует сравнительно-методологический подход. В собственном анализе и систематизации большого и оригинального материала Л. А. Чибиров оперирует научными методами истории, этнологии, археологии, лингвистики, что является залогом объективности, аргументированности и компетентности сделанных им выводов.

Объявляя целью своего исследования «концентрированный взгляд и сопоставительные параллели, идущие от нартовского эпоса к скифам, а через них к европейским, иранским и индоиранским древностям, эпическому пространству Европы», ученый не только с успехом справляется с этой задачей, но и заметно расширяет исследовательское поле многими прочими аспектами эпоса, распространенного на Северном Кавказе. Достаточно упомянуть, что в столь широком диапазоне ареальные связи Нартиады исследуются впервые.

С позиций объективного, беспристрастного исследователя, с учетом новых научных достижений и на основе широкой доказательной базы Людвиг Алексеевич подтверждает либо вновь доказывает индоевропейское (индоиранское) происхождение кавказской Нартиады. Отмечая, что эпическое наследие — не место для соперничества, автор вынужден уточнить: поскольку героический эпос больше чем любой другой фольклорный жанр связан с историческими судьбами определенного этноса, нартовский эпос есть художественная автобиография осетинского народа. В образах, мотивах и сюжетах эпопеи о богатырях-нартах многое пе-

рекликается с легендами, обычаями и конкретными древними историческими и этнографическими реалиями скифов, сарматов и алан.

Высокую степень верификации работы в значительной степени выстраивает ее широчайший историографический контекст — каждый свой постулат ученый предваряет подробным обзором концепций и взглядов на эту же проблему всех своих предшественников. Так уж сложилось, что в современном нартоведении историографический анализ, помимо своей традиционной научной сути, имеет еще и идейно-мировоззренческий подтекст.

В монографии содержатся ссылки на труды признанных ученых, утверждающих, что в основе своей нартовский эпос вызван к жизни военной и политической жизнью алан. Как известно, первым авторитетным исследователем, обнаружившим целый пласт индоиранских (скифо/сармато-нартовских) параллелей, был Всеволод Федорович Миллер. Он утверждал, что в художественных мотивах нартовские сказания донесли до наших дней многое из того, что стало известно о скифах, сарматах и аланах от Геродота и Аммиана Марцеллина. Окончательно, и уже в качестве всемирно признанной концепции, теория скифо-аланского ядра эпоса была сформулирована В. И. Абаевым и Ж. Дюмезилем. Они представили доказательства начала формирования осетинских нартовских сказаний в тот период, когда древние предки осетин, индоиранцы (скифы, сарматы, аланы), проживали еще вдали от Центрального Кавказа, около Черного и Азовского морей, в бассейне Дона, Днепра, Волги.

До середины прошлого века в научном мире практически никто не ставил под сомнение, что нартовский эпос в основе своей индоиранский и принесли

его на Кавказ скифо-аланские племена, а бытование эпоса о нартах в версиях соседних кавказских народов является следствием культурного заимствования. Но уже немногим более полувека, отмечает ученый, большими силами идут поиски кавказских корней нартовского эпоса. Однако целенаправленный анализ позволил Людвигу Алексеевичу резюмировать, что революционного прорыва в науке не случилось — столь интенсивные поиски не выявили ничего такого, что смогло бы кардинально поменять что-либо в нартоведении как научном (не популистском) направлении.

Действительно, научно-аргументированную позицию нескольких поколений прославленных ученых, в том числе таких корифеев нартоведения, как Васо Абаев, Жорж Дюмезиль, Всеволод Миллер, оспорить весьма трудно, ее можно лишь обходить стороной. В этой связи достаточно много своего внимания автору рассматриваемой книги приходится уделять разъяснениям по поводу несостоятельности тех «несокрушимых доказательств», которые на поверку оказываются недобросовестной интерпретацией высказываний признанных ученых. Корректным разъяснением подобных искажений из списка сторонников версии кавказского субстрата были «выведены» такие видные исследователи фольклора, как В. И. Абаев, В. Ф. Миллер и Е. А. Мелетинский.

Вызывает вопросы и научная аргументированность и логика суждения противников скифо-аланского ядра формирования эпоса. Противники скифо-аланского центра усмотрели причину наибольшего распространения осетинской версии в высоком авторитете ученых — сторонников иранской версии. Автор монографии вынужден отвечать, что, во-первых, авторитет не

выпрашивается и не покупается, а приходит к ученому за его бескорыстное служение подлинной науке и достигнутые результаты. Во-вторых, среди этих высоких авторитетов преобладают люди некавказского происхождения, которых трудно заподозрить в особых симпатиях ни к одному из местных народов.

В научных дискуссиях разных лет можно также встретить упреки, адресованные В. Абаеву и Ж. Дюмезилю за их чрезмерное увлечение сравнительно-историческим методом и ареальными связями. Спустя годы Л. А. Чибиров находит достаточно аргументов в оправдание подобного подхода, доказывая, что древнее ядро эпоса никогда не было замкнутым миром, непроницаемым для внешних импульсов и влияний. Напротив, оно было широко открыто для взаимодействия с эпосом и мифологией народов, с которыми скифы, сарматы, аланы на протяжении всей своей долгой истории имели не только родственные генетические, но и культурные связи. В связи с этим необходимо отметить, что неоспоримым достоинством рецензируемой монографии является эффективное совмещение исследовательских аспектов: анализа героев и сюжетных линий эпоса, с одной стороны, в контексте индоевропейского мифопоэтического мира, а с другой — на уровне сопоставления общего и различного в кавказских эпических вариантах.

Автор монографии отдает себе отчет в том, что восстановить полностью ареальные связи едва ли удастся — слишком обширна была территория расселения и передвижений североиранских племен, слишком многочисленны и разнообразны были народы, с которыми соприкасались далекие предки осетин. И все же с очевидным успехом он вносит свой значительный вклад в рекон-

струкцию культурных контактов предков осетин с некоторыми европейскими, тюрко-монгольскими, кавказскими народами, оставившими в осетинском эпосе о нартах свой достаточно явный след.

Упрекнуть Л. А. Чибирова в желании однонаправленной интерпретации исследуемого материала в пользу индоевропейского происхождения Нартиады весьма сложно — в одном из самых значительных разделов своей книги он уделяет внимание всем существующим на данный момент версиям формирования ядра эпоса. В монографии представлен подробный и обстоятельный анализ новых, динамично развивающихся, хотя и не всегда добротных аргументированных, притязаний, которым противопоставляет только квалифицированный и объективный анализ.

Так, в монографии рассмотрено, что ранее других альтернатив была сформулирована гипотеза о субстратно-кавказском происхождении эпоса, согласно которой скифо-аланское ядро отвергается, возникновение эпоса связывается исключительно с народами Северного и отчасти Южного Кавказа. Эпос видится как результат творчества исключительно кавказских племен родственного кавказского субстрата, носителям же некавказских языков в любой причастности к созданию эпоса отказывается. Л. А. Чибиров подробно анализирует деятельность современных адыгских фольклористов, по сути реанимирующих категорические положения А. М. Гадагатля о том, что зародился эпос в адыго-абхазской среде с дальнейшим распространением среди соседних народов. Абхазские нартоведы также настаивают на абхазском происхождении эпоса, но признают хотя бы три центра формирования Нартиады — скифо-аланский, адыгский и абхазский,

при этом абхазский вариант считают наиболее древним и подлинным.

Как отмечает сам Л. А. Чибиров, в результате «такой легкой раздачи центров формирования Нартиады», стали множиться («как грибы после дождя») все новые претенденты на авторство эпоса. А в последние годы громко заявлено и о существовании балкаро-карачаевского и ингушского центров. В основе ингушской версии лежит утверждение, что в момент зарождения эпос принадлежал одному общему протоингушскому этносу и был ассимилирован пришлыми иранцами. Как отмечает Чибиров, авторы этой гипотезы, не утруждая себя доказательствами, декларируют еще одну — аланы являются не этническим, но собирательным термином для обозначения местных аборигенов. Здесь, как говорится, комментарии излишни.

Автор «Осетинской Нартиады» останавливается и на тюркской версии, согласно которой первоначально эпос зародился в гуннской среде, а к адыгам и осетинам попал после распада Золотой орды, однако выводы о роли киммеро-скифо-аланских тюркоязычных племен в формировании эпоса автор называет экстравагантными. Ученый-этнограф рассматривает предысторию вопроса: он считает, что постыдные квазинаучные споры начались с ревизии Зеленчукской надписи — с попытки А. Ж. Кафоева предложить адыго-кабардинскую интерпретацию текста. Вслед за этим появились тюркская и вайнахская вариации того же текста. Всю дальнейшую суету с авторством надписи и позже — нартовского эпоса, он образно называет перетягиванием каната.

Утверждение научной версии происхождения архаического эпоса народов Северного Кавказа, его скифо-сармато-аланских корней является важ-

ной, но не единственной задачей автора монографии об осетинской Нартиаде. Тщательно и в высшей степени скрупулезно им собрано и разъяснено все, что имеет прямое и даже косвенное отношение к вопросам мифо-поэтического творчества вообще и нартоведения в частности.

Свои выводы Л. А. Чибиров делает на основе обстоятельного анализа нартовских циклов, эпических героев и персонажей, волшебных предметов, особенностей социального быта (взаимоотношения со старшими, побратимство и пр.), мировоззренческих характеристик, нартовской космогонии, трехфункциональной теории и пр. По поводу последней Ж. Дюмезиль замечал, что ни один из соседних неиндоевропейских народов, заимствовавших у осетин большую часть нартовского эпоса, не сохранил принцип организации героев по трем функциональным родам.

Читателю рассматриваемой книги предстоит погрузиться в удивительный мир нартовской жизни со всеми его понятиями, особенностями, мировоззрением и философией. В доступной, очень живой и интересной форме автор повествует о представлениях скифов и алан о религиозно-мифологическом значении бытия, о вере в загробную жизнь, об отношении к жизни и смерти, о представлениях о человеческом теле, его отдельных органах и многом, многом другом. В высшей степени увлекательно представлена ритуально-обрядовая жизнь: например, культ чаши рассмотрен и в мифологических воплощениях в нартовском эпосе, и в исторической реальности скифского мира, и в контексте эпоса кельтов и древних скандинавов, и у древних кобанцев. Автор также обращается к архаичным андиевским вари-

антам эпоса, в частности, к сказаниям о девах-воительницах как историческим реминисценциям воинственных женщин скифо-сарматов.

В своей монографии автор обращается к разнообразным проблемам эпического творчества, ему блестяще удается анализ, строящийся на позициях как российского классического академизма, так и новых направлений современной западной науки — это гендерный аспект этнографических и мифологических исследований и пр.

Большой интерес у читателей вызовет раздел, посвященный поискам аналогов нартовских героев в индоевропейской мифологии. Анализ проводится в контексте славянских древностей, богов и героев мифологии ведической (Индра, Вайю, Арджуна и др.), иранской (Рустам), греческой (Арес, Ахиллес), англо-нормандской (Артур, Ланселота) ирландской (Кухулин) и др. Как уже было отмечено, автор книги рассматривает героев (к примеру, Батрадза) в национальных версиях Нартиады, в грузинской и армянской мифологии, ветхозаветных текстах.

Нартовские образы и сюжеты — всеобъемлющие и колоритные — высвечивают многие грани мировоззрения предков осетинского народа, их обширные культурные контакты. Говоря об исторических корнях ареальных связей, Л. А. Чибиров приводит веские аргументы в пользу того, что, несмотря на наличие в нартовских сказаниях названий многих стран и народов, в нартах осетинского эпоса в первую очередь нужно видеть алан. Исследованиями установлено, что степные иранцы являлись продолжателями древней индоевропейской цивилизации и в то же время имели огромное влияние на Европу. Вместе с тем, уже было отмечено, в монографии обстоятельно и последо-

вательно исследуется и внутрикавказский культурный синтез.

Ученый высказал и свое мнение о хронологии эпоса, показав тщетность попыток «удревнить» период формирования его ядра и отнести его к эпохе доиранского и дотюркского влияния на культуру и быт народов Северного Кавказа. То, что окончательно эпос сформировался в XIII-XIV вв., мало у кого вызывает сомнение, однако подобного единства во взглядах относительно начала складывания Нартиады нет. Мнения авторов расходятся, и достаточно существенно — от III тыс. до н.э. до I тыс. н.э. («аланского» времени). Большинство же исследователей сходятся в том, что начало формирования эпоса стоит относить с I тыс. до н.э. Л. А. Чибиров, на основе введенного им в оборот материала, соглашается с Ю. С. Галлойти и начало формирования ядра эпоса определяет не позже середины II тыс. до н.э.

В I тыс. до н.э. весьма значительное воздействие на Кавказ имели скифы, а в III в. до н.э. их сменили сарматы, занявшие огромные географические пространства, в том числе и северокавказские степи. Культурное влияние алан на соседние племена были значительным, наибольшее же распространение сказаний о нартах среди адыгов и абхазов объясняется тем, что в состав средневековой Алании входила часть синдо-мелитских племен (протоадыгов) среднего и нижнего Прикубанья. Алано-вайнахские параллели также уходят вглубь веков — в позднем средневековье Джейрахское ущелье населяли переселенцы из Осетии и ингуши, известно, что там было распространено два языка — осетинский и ингушский.

Л. А. Чибиров на фактах доказывает, что в наиболее полном виде, в логической последовательности и взаимосвя-

зи циклов, эпос представлен у осетин, далее у кабардинцев, затем балкарцев, следом — у ингушей, и менее всего — у чеченцев, то есть эпос «затухает» по мере удаления от эпицентра его распространения. Эпос возник и развивался в одной этнической среде, он отражал историю и мировоззрение одного многочисленного народа, а затем уже распространился по региону. Так у каждого народа Северного Кавказа возникли свои национальные версии. Своей монографией Л. А. Чибиров закрывает многие спорные вопросы, и в частности опровергает версию так называемого «осетиноцентризма», представив в Приложении подборку высказываний авторов разных эпох (от Масуди X века до ученых XX века) по поводу алано-осетинской преемственности.

Немало удивляясь той легкости, с которой оппоненты теории скифо-аланского генезиса ядра эпоса игнорируют мнения выдающихся исследователей-нартоведов и замалчивают неудобные им литературные источники, Л. А. Чибиров приводит довольно обширный перечень подобных исследований. В ответ на призыв некоторых коллег (И. Дахкильгова) искать корни эпоса лишь на Кавказе и среди так называемых коренных его народов, ученый призывает не закрывать глаза на объективность и напоминает непреложную истину — в науке не должно быть запретных тем.

Тактично опровергается позиция некоторых абхазских и адыгских коллег, которая заключается в следующем — если признать скифо-аланский пласт ядром эпоса, то тем самым другие кавказские народы отлучаются от него. Л. А. Чибиров предлагает коллегам вопрос — а если признать только адыго-абхазское ядро, отлучения других народов не произойдет? Ему приходит-

ся развенчивать и другие псевдоконцепции, например: скифы — кочевой народ, а кочевые народы «не эпичны», но известно, что Геродот сообщает и о скифах-земледельцах. Столь же безосновательны опасения многих нартоведов принять версию по поводу того, что эпос создан за пределами Кавказа и импортирован оттуда. Автор на это отвечает, что ко времени формирования ядра эпоса ираноязычные племена были уже исконными обитателями Кавказа.

Как отмечает Людвиг Алексеевич, все попытки доказать недоказуемое, то есть лишить предков осетин их эпического творения, не имеют под собой научно-аргументированной основы. Он напоминает, что в период окончательного формирования эпоса по своей численности, мощи и влиянию аланский этнос доминировал над другими племенами Северного Кавказа. Адыги, вайнахи и другие народы региона входили в состав аланского политического объединения.

Борьба за заветное первенство в сотворении ядра Нартиады, развернувшаяся между адыго-абхазами, вайнахами и карачаево-балкарцами, вступила в новую фазу. Это тот случай, когда, как сказал В. И. Абаев, национальная принадлежность ученого определяет его научную позицию и выводы.

Людвиг Алексеевич как крупный ученый-этнограф терпеливо разъясняет в монографии, что истину надо искать не в мнимой политической и иной сиюминутной выгоде, а в объективных факторах этногенеза и этнической истории народов, населяющих Северный Кавказ, в строгости исследовательских подходов, в профессиональной компетентности и этике исследователя. Как истинный ученый, он предлагает коллегам из соседних республик оставить

деятельность, более похожую на политическую, нежели научную. Искренне сетует по поводу аланомании и нартомании многих коллег и отдает должное тем, кого сия болезнь не поразила, и призывает отдавать предпочтение исключительно научной истине.

Ученый, по его же словам, с болью в сердце напоминает, что дальнейшие амбициозные споры не делают чести краю, который всегда славился достойными мужами. Он сетует, что развитие

ненаучного соперничества заставляет и тех исследователей, которые способны мыслить объективно, писать сейчас вынужденно, под диктовку политической обстановки в регионе. Для сохранения мира и взаимопонимания, вековой дружбы кавказских народов Людвиг Алексеевич Чиби́ров как представитель старшего поколения российских этнографов призывает поставить точку в вольных манипуляциях и ненаучных упражнениях.